

0: МЕСТО, КОТОРОЕ ВНУШАЕТ НАДЕЖДУ

Сначала несколько слов как бы в целом о Польше. Я недавно где-то прочел — видимо, это было в журнале «Новая Польша», теперь не могу найти источник, — такие пафосные слова: «История Польши — это многовековая история борьбы за честь и свободу». Слова, конечно, высокие и патетичные. Но как-то меня это сразу резануло. И я подумал: разве в моей стране было меньше бесчестья? Меньше несвободы? И все-таки я (да, думаю, и никто) про историю России не сказал бы, что это была «борьба за честь и свободу». И потому значение Польши, скажем, для меня — но не думаю, что я тут особенно оригинален, — как раз в этом и состоит. Образ Польши: и то, что доходило из Польши, и то, что доходит сейчас, — это дает надежду. Эта надежда когда слабее, когда острее, но Польша — место, которое внушает надежду. Внушает интерес.

Теперь собственно о моих, не таких уж плотных отношениях с Польшей, и даже с Польшей скорее воображаемой, чем реальной.

Для моего поколения и людей чуть постарше, то есть тех, которые были молодыми в конце 1950 х — начале 1960 х, тогдашнее польское кино, а через кино и в связи с кино — польская литература, это тоже было вот таким пятнышком надежды... Казалось, что это может как-то повлиять и на то, что у нас здесь происходит. При том что кино ведь тоже было очень неоднородное. Комедий много привозили, чего только не было — но был среди них особый слой... Конечно, Вайда прежде всего («Поколение», «Канал», «Пепел и алмаз»), Мунк («Эроика» и «Пассажирка»), Кавалерович тогдашний («Мать Иоанна», «Поезд» — у нас в прокате он назывался «Загадочный пассажир»). А это вело к книгам, вело к Ивашкевичу, Анджеевскому, к другим польским писателям того времени. И это было очень важно. При том что на самом деле это кино как будто бы не было ориентировано на то, что сегодня происходит в Польше. Это было, как сейчас сказали бы, ретро, но и это тоже было важно для нас, зрителей, — сама эта беспрестанная попытка разобраться с собственными делами, включая собственное прошлое. Вот эта пытливость по отношению к настоящему и прошлому, этот неослабевающий интерес, в том числе очень критический, даже граничащий (как у Гомбровича, которого я гораздо позже читал) с издевкой по адресу национального гонора, самолюбия, национальных мифов и так далее, — все равно это было чрезвычайно важно для нас, читателей и зрителей, и интересно как возможность вот так относиться к собственному настоящему и к собственному прошлому.

Толчок к переводам с польского был дан в самом начале 1970 х, когда я познакомился с замечательным переводчиком, в том числе и польской поэзии, Анатолием Гелескулом, человеком, старше меня на двенадцать лет, который — как-то сразу так получилось — стал для меня кем-то вроде старшего литературного брата. Он перевел в самом начале 1970 х замечательного польского поэта, тогда мне совершенно неизвестного, Болеслава Лесьмяна — человека, кстати сказать, к России и к Украине имевшего отношение, учившегося в Киеве и даже немножко писавшего по-русски. Сначала я услышал эти переводы с голоса, на вечере в группке литераторов при издательстве «Художественная литература». Потом, в 1971 г., в том же издательстве вышла небольшая книжечка (Болеслав Лесьмян. Стихи. Пер. и вступ. статья А.Гелескула). Не уверен, что ее заметили, публичной славы никакой у книжки не было. Тогда никаких «презентаций», «промоушенов» и прочего в таком роде не было совершенно. Но те, кто вообще читал поэзию, которая чего-то стоила, они тогда эту книжечку, конечно, просто рвали из рук друг у друга. И я тогда разговаривал с Гелескулом. Он говорит: «Ну что вы французов переводите? Кого там переводить-то — разве что Нерваля? Учите испанский, учите польский. Переводите испанцев и поляков — вот где великая поэзия. И старая, и новая». Я, в общем, послушался старшего товарища. Накупил учебников, словарей, начал учить испанский и польский, насколько смог.

И у меня есть некоторые слабые, отчасти даже легендарные, по семейной легенде, польские корни. Моя бабушка по отцу Мальвина Иосифовна Лапинская была вроде бы наполовину полячка, наполовину еврейка из маленького села Требухивцы под городом Бучач. И мой дед, отец отца, солдат на постое, покрал ее во время Первой Мировой из этого самого села, привез к себе на Украину, в село Иванковцы, под Знаменкой, где и родился мой отец. Бабушку я видел не так много. Я жил несколько раз подолгу у них там, в деревне: когда сестра моя должна была родиться, меня родители туда отправили, и еще несколько раз. То есть помнить-то я ее помню. Но в детстве эта польская ниточка вроде бы ничего не значила. А теперь с годами это мне как-то понадобилось. И я начал это вспоминать, и для меня это отчасти стало объяснением, оправданием интереса к Польше. Конечно, дело здесь не в крови, не в семейных связях, а в том, с чего я начал.

Представьте себе глазок, который дыханием и теплом отогревают в мерзлом окне. Вот Польша — что-то вроде такого глазка, куда глядишь в надежде, что вдруг и у нас здесь что-нибудь подобное возможно.

Потом, с середины 1970 х, я начал понемногу переводить польских поэтов. Самой большой работой был Бачинский, книжка которого вышла в 1977 г. в том же издательстве «Художественная литература». Это был совершенно поразительный опыт. Бачинский — гений, конечно. Природный гений, который в восемнадцати-, девятнадцати-, двадцатилетнем возрасте замахивался на такие вещи в литературе, что один замах уже много бы чего стоил, а ему еще многое и удалось. Один из самых гениальных, просто по природной гениальности, польских поэтов. И это было потрясающе интересно нам всем: Гелескулу, мне, моим сверстникам, которые как-то к этому тогда прикоснулись (Георгию Ефремову, например, — он стал известен потом отличными переводами с литовского), — переводить мальчика, который в полтора раза моложе нас и который вот такие замечательные вещи в стихах делает. Тем более что это были еще и очень польские стихи. Мне трудно себе представить, что в какой-то другой поэзии могли быть такие стихи. Стихи, очень тесно связанные с польской мифологией — очень высокой и даже, пожалуй, исторически помпезной (Вайда в «Пепле» и «Свадьбе» ее выворачивал наизнанку). Но у мальчика это оборачивалось совсем другими вещами. Он и его сверстники тогда то ли предчувствовали, то ли понимали, то ли это в воздухе носилось, что встреча с историей вот-вот произойдет. И она произошла, буквально, через несколько месяцев после того, как мальчик эти стихи писал: оккупация, подпольный университет, участие в партизанских действиях... Погиб во время Варшавского восстания, молодая жена-девочка погибла там же. И вот это соединение очень интимной любовной лирики с ощущением, что человек находится в истории, что он ее, собственно, и делает, пусть даже при этом и гибнет, — вот это тоже, конечно, было редкое и нужное ощущение. Может быть, в последний раз оно было у нас в стране у ифлийских мальчиков, которые тоже чувствовали, что не сегодня-завтра они вступят в эту самую историю и, в общем, не так легко для них дело закончится. Как оно, собственно, и произошло. По крайней мере, после войны — Второй Мировой, или «Отечественной», как в России любят говорить, — конечно, этой пророческой, провидческой, мифологической ноты уже, в общем, почти не звучало в русской поэзии. Эти органы были насмерть отбиты. Но тем дороже была эта нота, из польской словесности пришедшая. И неразрывность этого интереса к прошлому с пониманием того, что тебе предстоит здесь и сейчас. И это неотвратимо, нельзя шагнуть в сторону.

Я думаю, отсюда и та роль, которую играла Польша, польская словесность, польское кино в жизни всех, кто формировался в 1950 е — 1960 е и создал потом диссидентское движение (я к нему не принадлежал, но кое-какие дружеские связи, знакомства с этой средой — через СМОГ, через филфак университета — были). Странное дело: литература и кино, которые по большей части не стремились, в отличие от соцреализма — что польского, что советского — быть политикой, тем не менее именно своим духом свободы, уважением к человеческому достоинству несли политический заряд (диссидентство — один из примеров). В особенности для советской страны, в которой как бы никакой политики, кроме официальной, не было и быть не могло. Вот это другое понимание политического — экзистенциальное, если угодно, — оно тогда шло из Польши, через наш образ Польши.

Последнее в этом смысле впечатление было связано с Милошем. Мой университетский и библиотечный знакомец, полонист, год или два стажировался в Польше, это был год 1976-1977 й. Он привез оттуда книжки и среди прочих — такую как бы даже не книжку, а что-то похожее на общую тетрадку в картонном переплете. Это была десятая перепечатка с десятой копии подпольного гектографического издания стихов Милоша с его портретом на обложке. Ничего нельзя было разобрать практически ни в портрете, ни в стихах, настолько буквы уже расплылись от бесконечного копирования. Но что дошло? Дошла легенда. Милош был человек легенды, и она была вот, совсем рядом. Это было совмещение времен, когда именно сейчас, оказывается, тоже могут происходить легендарные вещи. Я начал искать всё милошевское, что можно найти. Все-таки у поляков Милош был не до конца закрыт, в антологиях можно было что-то отыскать (была такая замечательная антология, составленная Гроховяком). Я стал читать, а потом, уже через много лет, даже немножко и переводил стихи, прозу Милоша. От тогдашнего открытия был, конечно, прямой путь к «Солидарности», к введению военного положения. Вот такой, собственно говоря, конец легенды. Который оказался новым началом, потому что потом пришел 1989 год (соответственно, сюжет нашего разговора — если не брать предков — укладывается примерно между серединой 1960 х и 1989-1990 м).

В 1989 г. мы впервые с коллегами под предводительством Юрия Левады поехали за рубеж. Это было такое межуниверситетское сборище в Дубровнике, где собрались социологи всех стран бывшего — он еще не стал бывшим — социалистического лагеря с тем, чтобы поговорить о том, что происходит, — все явно начало меняться. Причем было представлено поколение учителей, как Левада и как его коллеги, туда приехавшие — чехи, поляки, венгры, болгары, — и было поколение нас, учеников, которые одновременно и учились у старших, и что-то рассказывали о том, как сами понимают происходящее. И вот в один из вечеров возвращаемся мы в гостиницу с этих своих занятий, а по телевизору в холле передают встречу Валенсы с правительством, как они

закключают соглашение. И это, конечно, было замечательное, непередаваемое ощущение... Опять-таки это было опережающей надеждой. У нас еще только что-то зашевелилось, но мы сами еще оставались косными, сами пока еще только раскачивались, не осмеливаясь поверить в то, что действие возможно, изменение возможно. А тут это уже делалось реально. И это опять была история, которая происходит прямо на глазах и где соединяется их прошлое с их настоящим и наше прошлое с их настоящим. Здесь, конечно, много еще было наших, не осуществленных в свое время надежд. Вот такая история. Ничего другого, боюсь, нету.

А что касается развития нашей социологии, действительно многое шло через поляков. Правда, восприимчивого народа в 1960 е — 1970 е не так-то уж много было. Левада, конечно, Ядов, Грушин, Шляпентох... В 1990 е годы был такой биографический проект у Геннадия Батыгина «Советская социология в биографиях». И вышла большая книга, она называлась «Советская социология 1960-х годов в очерках и биографиях» — как-то так. Там поколение отцов-основателей рассказывает о том, как все начиналось. И в том числе там есть такая тема, Батыгин об этом специально расспрашивал, — что вы знали о западной социологии? Батыгин, к сожалению, умер, он многое, конечно, мог бы рассказать сам, потому что он специально собирал эту информацию. Его вопрос был: что вы знали о зарубежной социологии? Как выходили на книги? Были контакты? Насколько помню, Щепанский тогда много значил для старшего поколения социологов, Клоковская, Внук-Липинский. Через «Пшеглэнд социологичный» шло много информации — и по теории, и по истории социологии, и по технологии исследований. В Польше раньше добрались до американской социологии, барьер запретов был пониже, много переводили — от классиков до новинок, многое начали пробовать у себя и в теории, и в эмпирии. И это касалось не только теоретической и общей социологии, но всяких отраслевых вещей.

Скажем, когда я в 1970 е и в начале 1980 х работал в Библиотеке Ленина и у нас там складывалась некая социология чтения, то польские социологи чтения — Секерский, Анкудович — были в этом смысле для нас ориентиром. Они гнездились в Польской национальной библиотеке в Варшаве, как и мы были тоже при главной национальной библиотеке, но у них уже были очень серьезные работы по изучению чтения, по изучению восприятия (Секерский как раз этим занимался). По тому, как в читательских интересах представлена социальная структура общества, как можно понимать социальные процессы через то, что разные группы выбирают для чтения, через механизм литературных премий, который в Польше был гораздо более развит, чем в России. В России он очень неофициальный, а у поляков это было (или нам так казалось отсюда) гораздо свободнее. Там институт премий действовал, и писательские премии, читательские конкурсы в этом смысле позволяли проявить интересы людей, мотивацию людей, ценностные дефициты и так далее. То, к чему здесь мы только-только приближались. Валерия Дмитриевна Стельмах руководила в Ленинской библиотеке Сектором книги и чтения и, собственно, налаживала социологию чтения как дисциплину, пытаясь вовлечь в это дело по максимуму тогдашних серьезных социологов наших здешних, отечественных, а с другой стороны, налаживала международные контакты. В том числе контакты с поляками, венграми, чехами, болгарам, которые были проще, чем контакты с американцами, англичанами и т.д. У нее были сильные польские связи. И через нее мы познакомились и даже подружились с несколькими варшавскими библиотечными социологами. Лучший из них — самый близкий наш друг Януш Анкудович. К сожалению, он безвременно умер. Очень славный был человек, очень глубокий и интересный. И очень польский. Вот, собственно, и всё.

Устный рассказ Бориса Дубина записан в Москве, в Левада-Центре, 4 сентября 2006.

1: ...НО СКАЖУ!

В конце января 2007 г. творческая группа телекомпании «РИО» была приглашена в Польшу для участия в международном фестивале документальных фильмов.

Честно признаюсь, что ехали мы в эту страну с некоторой опаской. Не секрет, что российско-польские отношения (так уж получилось исторически) достаточно сложны.

Наверное, еще с тех пор, как в начале XVII века польские войска вторглись на территорию России и Иван Сусанин, заведший польский отряд в болото, стал русским национальным героем.

А потом уже Польша была захвачена Россией и долгие годы входила в состав Российской империи. Мечты поляков об обретении собственной государственности жестоко подавлялись.

После I Мировой войны и Октябрьского переворота в России Польша обрела наконец независимость. Но ненадолго. Красная армия под командованием Тухачевского двинулась на Варшаву, чтобы вернуть ее в состав советской империи, но поляки атаку отбили.

А потом, уже в 1939 м, появились секретные протоколы, зафиксировавшие сговор Гитлера и Сталина о разделе Польши между Германией и СССР. После чего, захватив свою часть, Сталин устроил чудовищное катынское побоище, уничтожив тысячи пленных польских офицеров.

А еще был 1944 год, когда советские войска, находясь в предместьях Варшавы, не поддержали восстание жителей города против немецких захватчиков. И Гитлер сравнивал Варшаву с землей, причем в буквальном смысле. Советские войска вошли в город, когда его уже не было.

Разоренная и униженная Польша после II Мировой войны стала называться социалистической страной, а военный договор СССР и его союзников против НАТО — Варшавским.

...Мы с детства были воспитаны на польской культуре, литературе, кино. Достаточно вспомнить замечательные телесериалы «Четыре танкиста и собака», «Ставка больше, чем жизнь» или несравненную Барбару Брыльскую в «Иронии судьбы».

А чуть позже, уже во времена Брежнева, в Советском Союзе появился стишок, связанный с повышением цен на водку и польскими событиями 1980 года:

Будет водка — пять и восемь [рублей],

Все равно мы пить не бросим.

Передайте Ильичу:

Нам червонец по плечу.

Ну а если будет больше —

Будет то же, что и в Польше.

Видимо, Леониду Ильичу не передали. Потому что именно с борьбы польского профсоюза «Солидарность» за права рабочих начался стремительный развал мировой коммунистической системы.

Польша ушла от России первой из соцстран — и ушла в НАТО. Как результат — ухудшение российско-польских отношений — и дипломатических, и экономических. Во всяком случае, польское мясо сегодня запрещено ко ввозу в Россию. А Польша в ответ наложила вето на новый договор России с Евросоюзом. Мало того, теперь российские ракеты будут нацелены на Польшу как представительницу НАТО

Но и это еще не все. С 4 ноября 2005 г. у нас в стране отмечается новый государственный праздник. А точнее — Главный Государственный — День Единения России — в память о победе над польскими захватчиками в 1612 году...

Как после всего этого к нам должны относиться поляки? Уже перед поездом нас предупредили: будьте осторожнее — в Польше русских не любят. И на первом же польском полустанке, словно вдогонку предупреждению, мы услышали от одной сильно небритой личности: «Этих русских надо вешать за уши»...

А потом был Кошалин — небольшой город на северо-западе Польши, где проводился фестиваль. Были удивительные встречи, после которых у нас появились новые друзья — Марлена Зимная из Кошалина, Элла Влостовская и Тадеуш Вацлавек из Варшавы, Данута Сесс-Кшишковская из Кракова, Алина Чапиук из Белостока. А еще мы познакомились со студентками, изучающими русский язык в Гданьском университете и гордо именующими себя «русофилками». С первой же минуты, когда наш поезд в Кошалине встречали с цветами, мы почувствовали искреннюю доброжелательность и максимальное уважение к России.

И Гран-при международного кинофестиваля поляки отдали не своим киношникам, не французам или американцам, не бельгийцам или шведам, а России, Самаре. Это при том, что победителя определяло не жюри, а зрители. Прямым и тайным голосованием. И овация в зале в честь нашей победы длилась, наверное, минут пять.

Один эпизод мне особенно запомнился. Российская делегация стояла в холле и что-то оживленно обсуждала. И вдруг мы почувствовали на себе пристальный взгляд пожилой женщины. Мы подумали, что можем ей в чем-то помочь.

— Нет, — сказала она, — вы не обращайтесь на меня, пожалуйста, никакого внимания. Я просто обожаю русскую речь и ее чудесную музыку могу слушать бесконечно...

Как бы кто-то ни стремился рассорить наши народы, люди все равно хотят и будут жить в дружбе и любви.

Автор статьи — главный редактор журнала «Самарские судьбы».

2: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- «По данным Главного статистического управления (ГСУ), в феврале объем розничных продаж увеличился на 17,5%. Это был самый динамичный рост с момента вступления Польши в ЕС (...) Почти 40 процентный рост продаж отмечен в киосках печати, книжных магазинах и других специализированных торговых точках. Но больше всего на увеличение объема розничных продаж повлияло оживление в автосалонах. Данные по продажам подтверждают, что рост зарплаты и занятости привел к увеличению расходов поляков». («Дзенник», 24-25 марта)
- «Одно из крупнейших в мире рейтинговых агентств „Standard&Poog’s” повысило вчера международный кредитный рейтинг Польши с уровня BBB+ до А—. После публикации этих данных злотый немедленно вырос на 2 гроша. Повысились также биржевые индексы. Тем самым агентство оценило экономическую ситуацию в нашей стране как очень хорошую. В то же время „S&P” подвергло Польшу резкой критике за отсутствие реформы государственных финансов». («Жечпосполита», 30 марта)
- «Уже по крайней мере 1,5 млн. поляков (т.е. почти каждый двадцатый житель Польши) пользуются услугами частной медицины. Ежегодно доходы частных клиник растут на 20-30% (...) Частная медицина становится все более важным сектором нашей экономики, доходы которого оцениваются в 12-15 млрд. злотых (...) Наибольшей популярностью пользуются пакеты, выкупаемые работодателями, т.н. абонементы, общая стоимость которых составляет около 700 млн. злотых. Однако большое значение имеют также услуги частных кабинетов, диагностических центров, аналитических лабораторий, специализированных поликлиник и малых поликлиник местного значения, а также больниц, которых уже почти 190». («Жечпосполита», 19 марта)
- «Почти 12,5 млн. евро штрафа наложила на нас Европейская комиссия за то, что перед вступлением в ЕС мы накопили на складах слишком много мяса, фруктов, риса, сыра и масла. На уплату этого штрафа у нас есть четыре года». («Жечпосполита», 5 апр.)
- «Сто польских военнослужащих вылетели вчера из Вроцлава. На юге и востоке Афганистана они должны подготовить размещение основных сил (...) В общей сложности польский контингент будет насчитывать 1200 человек. Поляки будут действовать в рамках операции НАТО». («Газета wyborcza», 22 марта)
- «С начала польской миссии в Ираке погибли 18 военнослужащих. Некоторые из около ста раненых не могут продолжать службу и лишены средств к существованию (...) До сих пор в рамках компенсации семьям погибших в Ираке министерство национальной обороны выплатило около 1,3 млн. злотых. Раненые и контуженные получили около 0,5 млн. злотых. В среднем выходит 462 зл. на человека (...) Перед вступлением в силу новых правил семья погибшего получала около 100 тыс. злотых. Теперь эта квота выросла до 200 тысяч. Незначительно выросли и компенсации для раненых и контуженных. Кроме того, закон дает ветеранам право на бесплатные лекарства и обеспечивает им лечение вне очереди». («Ньюсуик-Польша», 18 марта)
- «Одним из главных пунктов визита Ангелы Меркель стала лекция в главной аудитории Варшавского университета. Огромный зал был заполнен до краев — в основном студентами. Когда госпожа канцлер вошла в аудиторию, ей устроили овацию стоя. „Если бы не Польша, если бы не «Солидарность», я не могла бы выступать здесь как канцлер Германии”, — сказала Меркель, напомнив, что для ее поколения, для людей, живших в 80 е годы в ГДР, Польша была „источником вдохновения”. События, происходившие в нашей стране, „давали немцам надежду”. „Благодаря «Солидарности» Центральная и Восточная Европа обрела свободу. Перед Германией открылся путь к объединению”, — сказала канцлер». («Жечпосполита», 17-18 марта)
- «Они приехали из Колумбии, Монголии, России, Словакии, с Тайваня (...) В прошлом году польскими гражданами стали 165 иностранцев (...) Среди новых граждан больше всего уроженцев Украины, Белоруссии и России». («Газета wyborcza», 17-18 марта)
- «Вчера студенты Варшавского университета завоевали в Токио золотую медаль на студенческом чемпионате мира по программированию. Это старейшие и самые авторитетные состязания в этой области, часто именуемые

„битвой умов”. Наша команда (Марек Цыган, Мартин Пилипчук и Филип Вольский) опередили китайских студентов из университета Циньхуа и российскую команду из Санкт-Петербурга». («Газета выборча», 16 марта)

- «По данным авторов доклада „Миграция польских врачей, медсестер и акушеров после вступления Польши в ЕС”, опубликованного на сайте министерства здравоохранения, в Польше на тысячу жителей приходится меньше врачей, медсестер и акушеров, чем в других странах Евросоюза. Количество медсестер на тысячу жителей (4,9) у нас в два раза меньше, чем в Германии (9,6) или Чехии (8,1). Не лучше обстоит дело и с врачами. В среднем в Польше на тысячу жителей приходится 2 врача. Для сравнения: в Чехии эта цифра составляет 3,5, в Венгрии — 3,3, в Германии — 3,4 (...) О масштабах эмиграции можно судить по числу справок о профессиональной квалификации, выданных врачебными палатами. Исходя из этих данных, на работу за пределами Польши могли выехать около 5114 врачей, 1581 зубной врач и 5912 медсестер». («Газета выборча», 26 марта)

- «По некоторым оценкам, в Польше нелегально работают около 300 тыс. граждан бывшего СССР, прежде всего украинцев и белорусов. По другим оценкам, их число может достигать 400 тысяч, а в летний сезон, в период полевых работ и сбора фруктов их еще больше. Такие выводы можно сделать, сравнивая количество въездов и выездов из Польши. В прошлом году наши консульства на Украине выдали 635 тыс. виз (...) При этом рабочих виз было выдано только 1769. Между тем пограничники насчитали 5,7 млн. пересечений польско-украинской границы [гражданами Украины]. Статистически по каждой визе въезжали более десяти раз (...) Консульства в Белоруссии выдали свыше 291 тыс. виз, из них рабочих — немногим более двухсот». («Политика», 24 марта)

- «По данным Европейской комиссии, в 2005 г. (...) 6% наших крестьян получили 40% прямых дотаций ЕС. Остальные деньги разделили между собой около 90 тыс. крестьян (...) Таковы последствия единой сельскохозяйственной политики, которая ставит размер помощи в зависимость от площади хозяйства (...) Все меньше становится самых маленьких хозяйств площадью до пяти гектаров, зато растет число хозяйств площадью более 20 гектаров (...) Самое крупное из них, расположенное в Поморском воеводстве, получило в 2005 г. 6 млн. злотых». («Жечпосполита», 20 марта)

- «В Татрах продажа овец на экспорт в Италию имеет более чем двадцатилетнюю традицию (...) У них [итальянцев] на Пасху ягненок обязателен (...) Самым большим спросом пользуются маленькие ягнята, которым всего несколько недель. За тех, что весят от 10 до 14 кг, итальянцы платят 9,03 злотых за килограмм (...) За овечку весом от 15 до 18 кг они дают 8,29 зл. за килограмм, а при весе от 19 до 20 кг — 6,82 злотых». («Дзенник», 22 марта)

- «Поляки намного меньше курят, перестают пить крепкие напитки, уделяют все больше внимания здоровому питанию, женщины ходят на профилактические обследования, а мужчины реже жалуются на плохое самочувствие. Последние данные ГСУ свидетельствуют о том, что мы стали здоровее». («Дзенник», 15 марта)

- «В Кракове и Познани запретили курить на остановках. До сих пор оштрафовано более 800 человек (...) Люди боятся [нарушать запрет], потому что городская полиция штрафует беспощадно (...) В апреле курение будет запрещено в Пруще-Гданьском». («Дзенник», 12 марта)

- «По данным Национальной библиотеки, за последние два года число читающих поляков уменьшилось на 8% (...) Начиная с 2005 г. более 2 млн. человек перестали читать вообще — даже поваренные книги и справочники домашнего мастера (...) Только каждый шестой поляк прочитал в 2006 г. более шести книг (...) Только каждый третий поляк купил в 2006 г. какую бы то ни было книгу, пусть даже школьный учебник (...) Только каждый 33 й опрошенный купил одну или более книг в месяц. Утешает то, что целых 40% читателей пользуются библиотеками (...) Начиная с 1990 г. в Польше закрылась почти тысяча библиотек, т.е. каждая десятая. Число посетителей оставшихся библиотек постоянно растет (...) В провинции работают небольшие т.н. библиотечные пункты, 80% которых с 1990 г. было ликвидировано». («Жечпосполита», 16 марта)

- «Каждый пятый поляк чувствует себя одиноким и отвергнутым обществом, а такое состояние ведет к психическим расстройствам. „Это самый высокий процент в Евросоюзе. Ежегодно из-за этого кончают жизнь самоубийством шесть тысяч человек, а почти два миллиона попадают на психиатрическое лечение”, — бьют тревогу эксперты министерства здравоохранения. За последние 15 лет число людей, лечащихся от психических болезней, увеличилось у нас с 600 тысяч до 1,5 млн. человек в год. Прибавилось также людей с самыми тяжелыми психическими заболеваниями — сейчас в больницах почти сто тысяч таких пациентов». («Дзенник», 24-25 марта)

- «Ученики одной из лодзинских гимназий сфотографировали антисемитские надписи на стенах и вышли на улицу с фотографиями. На вопрос, зачем они это сделали, гимназисты отвечали: „Потому что евреи участвовали в создании культуры Лодзи, были ее частью. А эти надписи оскорбляют их память” (...) Гимназистка из Вроцлава

потрясла общественное мнение, когда несколько лет назад организовала первую выставку фотографий, документирующих антисемитские надписи на улицах (...) Ученикам из Божентичек в Великопольше пришла в голову мысль ездить вместе со своим учителем по стране, чтобы разыскивать и приводить в порядок еврейские кладбища (...) Подростки и студенты из Лодзи ежегодно ходят по городу со щетками, скребками и ведрами, очищая его от знаков ненависти». (Эльжбета Исакевич, «Ньюсуик-Польша», 25 марта)

• Шевах Вейс, бывший председатель Кнессета и посол Израиля в Польше: «Особым испытанием для евреев всегда было изгнание в изгнании (...) Сорок лет назад Польша оказалась в числе государств, депортирующих евреев, что после Катастрофы было особенно чудовищно. Польша разделила евреев, вынудила их покинуть прах родных на польской земле, в том числе на полях смерти в Аушвице-Биркенау; оторвала их от памяти иудейской общины в Треблинке, от синагог и киркутов, разрушенных во время Катастрофы. Раз в два года в Израиле проходит съезд изгнанников 1968 г., основавших общество „Reunion” (...) Я побывал на двух съездах. Там я понял, какую утрату понесла Польша в 1968-1969 годах». («Впрост», 1 апр.)

• «В Пусткове близ Дембицы снова появятся бараки трудового лагеря, который располагался там во время войны. Шокирующая идея воссоздания места казни пришла в голову войту гмины Дембица и старосте деревни Пустково-Оседле (...) Сначала они хотят благоустроить возвышающуюся над бывшей территорией лагеря Гору смерти, где гитлеровцы сжигали останки убитых узников (...) Там они хотят поставить камень в память о семи тысячах убитых евреев, а вдоль дорожки, ведущей на гору, разместить стояния Крестного пути (...) На втором этапе планируется воссоздать лагерь: построить бараки, ворота, ограду, апельплац (...) Войт гмины Дембица Станислав Рокош рассчитывает, что лагерь станет местной достопримечательностью. Подобным образом думает и староста Пусткова (...) У [местного] настоятеля тоже нет возражений». («Дзенник», 12 марта)

• «Россия возмущена тем, что поляки не соглашаются открыть ее экспозицию в Аушвице (...) Спор ведется с 2004 г., когда по инициативе России была закрыта устаревшая российская часть выставки в музее Аушвиц-Биркенау. Новые стенды, предложенные российской стороной, повергли польских историков в изумление (...) Граждане Второй Речи Посполитой, жившие на территории, оккупированной СССР в 1939-1941 гг., а затем попавшие в Аушвиц, были представлены там как... советские граждане (...) Польская сторона подчеркивает (...) что со стороны жителей Кресов не было добровольного отказа от польского гражданства. „Эшелоны, которые везли евреев или поляков из Львова, Гродно или Белостока, россияне хотят рассматривать как советские эшелоны. На это мы не можем согласиться”, — объясняет директор музея Петр Цивинский». («Жечпосполита», 4 апр.)

• «Своими благородными усилиями „Мемориал” не только искупает вину своей страны перед невинно убиенными поляками. Он еще и совесть России, которая не позволяет смириться со страшными преступлениями кремлевских властителей против своего собственного народа и других народов. Значение этих благородных усилий оценила группа депутатов Европарламента, выдвинув кандидатуру „Мемориала” на соискание Нобелевской премии мира». (Вацлав Радзивиневич, «Газета wyborcza», 14 марта)

• «Спустя 17 лет после смены строя таких улиц [Красной армии] в Польше осталось полтора десятка: в Проховицах и Шклярской-Порембе в Нижней Силезии, в Тшчеле в Любушском воеводстве, в Бялом-Боре и в Добжанах в Поморье... и, вероятно, во многих других (...) городах (...) Несколько недель тому назад Ярослав Качинский объявил, что „Право и справедливость” внесет на рассмотрение законопроект, касающийся названий (...) Ян Шиманский [из Орли в Подлесье] вопрошает: „Люди, чем вам мешает Красная Армия? (...) Солдаты, лежащие на кладбище, пришли сюда не на дискотеку — они погибли, сражаясь с немцами” (...) Мария Ставиская-Рукавичкина [из Проховиц] испытывает к улице Красной армии теплые чувства: «Пусть Качинские дадут больше денег на пособия и медобслуживание, а не занимаются табличками [с названиями улиц]». Анне Буховской [из Проховиц] 82 года (...) Ее окно выходит прямо на улицу Красной Армии. Она удивлена тем, что правительство хочет изменить ее адрес: „А это название чем плохо? Мне важно, чтобы тут хорошие люди жили” (...) Юзеф Икало, 70 летний житель Бялого-Бора (...) всю жизнь прожил на [улице] Красной армии и не видит причин, почему это надо менять: „По-моему, такая улица — это память об истории, независимо от того, какой она была”». (Ежи Данилевич, «Ньюсуик-Польша», 18 марта)

• «Казахстан может поставлять нефть по польско-украинскому нефтепроводу Одесса—Броды—Гданьск, но требует включения в этот проект России, — сказал президент Казахстана Нурсултан Назарбаев после переговоров с президентом Лехом Качинским». («Газета wyborcza», 30 марта)

• «„Польша России не враг, но она хочет диверсифицировать поставки энергоносителей”, — сказал Лех Качинский после встречи с Нурсултаном Назарбаевым». («Жечпосполита», 30 марта)

- «В Польше уже несколько дней гостят два бортника из Башкирии. Раис Галин и Ахтям Исанаманов учат наших пчеловодов устраивать лесные борти. В нашей части мира нет уже ни настоящих бортников, ни бортей. Представители международной организации World Wildlife Fund нашли их на Урале». («Дзенник», 29 марта)
- «„Беларусь не задушить!“ — скандировали участники концерта на Замковой площади. Тысячи варшавян танцевали и кричали „нет“ Александру Лукашенко, которого показывали на большом экране. Когда в Варшаве начинался концерт „Солидарны с Белоруссией“, в Минске милиция разгоняла демонстрацию белорусской оппозиции. Дата концерта неслучайна: 25 марта — это белорусский День независимости, уже несколько лет как запрещенный диктатором». («Газета wyborcza», 26 марта)
- «Более тридцати основателей и участников Движения в защиту прав человека и гражданина (RORCiO) наградил в пятницу президент Лех Качинский по случаю 30 летия со дня основания организации». («Жечпосполита», 24-25 марта)
- «Решением Верховного суда судья, который во время военного положения приговорил к тюремному заключению Владислава Фрасынюка, Богдана Лиса и Адама Михника, лишен полномочий. Такое решение имеет историческое и символическое значение: это единственный судья, лишенный полномочий на основании принятого в 1998 г. закона о дисциплинарной ответственности судей, которые, „вынося приговоры в ПНР на процессах, являвшихся проявлением политических репрессий, изменили принципу судейской непредвзятости“». («Газета wyborcza», 13 марта)
- «Вступил в силу новый люстрационный закон, дающий сотням тысяч человек, в т.ч. журналистам, месяц на написание заявления о том, сотрудничали ли они с тайными службами ПНР. Выполнять новый закон намерены далеко не все. Многие ожидают решения Конституционного суда». («Тыгодник повсехный», 25 марта)
- «Третья Речь Посполитая избрала промежуточный вариант частичного сведения счетов, которое касалось граждан, занимающих высокие государственные должности. Они должны были сказать правду о своем прошлом в ПНР, что было рационально с точки зрения возможного шантажа. Отстранить их можно было только в доказанном случае дачи ложных показаний (т.н. люстрационной лжи). В то же время естественная текучесть кадров и безжалостная биология делали свое дело (...) И вот спустя 17 лет (...) мы будем люстрировать не 10, не 50, а 700 тыс. человек (...) А пока что все должны под страхом увольнения с работы заполнять люстрационные заявления, которые ИНП будет проверять в течение ближайших 15 лет (это очень оптимистический расчет, даже если придется принять на работу еще сто инквизиторов)». (Людвик Стомма, «Политика», 31 марта)
- Проф. Генрик Самсонович, бывший ректор Варшавского университета, министр образования в правительстве Тадеуша Мазовецкого: «Надо подавать заявление, что ты невиновен! Это противоречит здравому смыслу и многовековой польской традиции политической культуры». («Газета wyborcza», 7-9 апр.)
- «Против люстрации в ее нынешней форме выступает большая часть научных кругов. Ее ставят под сомнение Конференция ректоров польских вузов, Варшавский университет, Вроцлавский университет, Торунский университет им. Николая Коперника, Польская Академия наук, Варшавский политехнический институт (...) Между тем премьер-министр Ярослав Качинский (...) сказал вчера, что „к государству нельзя относиться так, чтобы одна группа людей выполняла свои обязанности, а другие говорили, что это их не касается“». («Газета wyborcza», 30 марта)
- «Этот процесс будет продолжаться полтора десятка лет (...) ИНП будет вершить суд над (...) 700 тысяч поляков (...) Люди боятся: на карту поставлена их работа, профессиональное будущее, жизнь. Теперь от поведения человека может зависеть, будет ли [против него] что-нибудь обнаружено, и если да, то что (...) Все может зависеть от „безупречного морально-политического облика“. Если завтра этот облик станет менее безупречным, ИНП всегда будет готов найти новые документы. Так может закаляться сталь гражданской покорности (...) Через несколько дней, быть может через неделю, нам вручат заявления. Наша подпись будет иметь большое значение. Важно наше согласие, наше сотрудничество — тех, кто сотрудничал [с госбезопасностью в ПНР], и тех, кто не сотрудничал никогда. Речь идет об очередной бумажке, о нашей подписи, о нашем контракте с дьяволом, о том, чтобы мы были под колпаком, чтобы в случае надобности нам всегда можно было сломать хребет. Сейчас или через полтора десятка лет. Когда придет время». (проф. Анджей Романовский, «Газета wyborcza», 14 марта)
- «Известный график Эугениуш Гет-Станкевич (...) свое люстрационное заявление размером 3 на 5 метров подписал во вроцлавском Национальном музее (...) Заявление весит 20 килограммов — оно отпечатано на пленке, наклеенной на холст (...) Подпись художник выполнил несмываемыми фломастерами желтого, красного, черного и синего цветов, украсив ее дополнительно цветочным мотивом (...) „Гет ответил абсурдом на абсурд“, — сказал легендарный лидер подпольной „Солидарности“ Владислав Фрасынюк». («Газета wyborcza», 1 апр.)

- «Начали действовать „суды в 24 часа”, в ускоренном порядке наказывающие виновников мелких преступлений, в частности воров, хулиганов, пьяных водителей. У полиции и прокуратуры есть 48 часов на то, чтобы передать дело обвиняемого в суд с заключением о мере наказания, которое заменяет обвинительный акт. В свою очередь суд должен в течение суток вынести приговор (разве что он объявит 14 дневный перерыв на сбор доказательств)». («Тыгодник повсехный», 25 марта)
- «Из 103 тыс. полицейских штатных единиц 5,5 тысячи остаются вакантными (...) В качестве официальной причины ухода со службы указывается состояние здоровья, однако в неофициальных беседах полицейские жалуются на низкие заработки и ужасающие условия работы (...) 70% польских полицейских получают на руки от 1500 до 1800 злотых (...) Немцы уже начали вербовать в Польше опытных полицейских». («Жечпосполита», 20 марта)
- «Вчера Конституционный суд постановил признать несоответствующими конституции положения, на основании которых партия „Право и справедливость” (ПиС) хотела отстранить от должности президента (мэра) Варшавы Ханну Гронкевич-Вальц из „Гражданской платформы” (ГП)». («Газета wyborcza», 14 марта)
- «Спустя три часа после постановления Конституционного суда маршал Сейма вынул из ящика проект изменений в законе о Конституционном суде (...) За словами премьера [Ярослава Качинского] о том, что надо подумать над новой конструкцией суда, последовали дела. Министр Пшемислав Госевский заявил, что премьер, говоря о необходимости задуматься над новой конструкцией Конституционного суда, не шантажировал судей, а лишь выразил свое мнение в дискуссии». («Жечпосполита», 15 марта)
- «Вузы протестуют против угрозы принципам правового государства. Вчера в Кринице соответствующую резолюцию принял президиум Конференции ректоров польских вузов. Конференция объединяет 105 ректоров государственных и частных вузов (...) Проф. Тадеуш Лютый, председатель конференции: „Закон о люстрации переполнил чашу терпения”». («Газета wyborcza», 24-25 марта)
- Из интервью с председателем Всепольской судебной палаты Станиславом Домбровским. Эва Седлецкая: «Вчера мы описали идею лишать судей и прокуроров иммунитета в течение 24 часов после подачи прокурором соответствующего заявления. Комиссия Сейма по юридическим вопросам только что одобрила ее. Что вы об этом думаете?» Станислав Домбровский: «Это средство запугивания судей и очередная часть плана по подчинению судебного аппарата министру юстиции». («Газета wyborcza», 1 апр.)
- Из интервью с председателем Конституционного суда проф. Ежи Стемпенем: «Наши решения, какими бы они ни были, призваны защищать конституционный порядок от покушений (...) на основы конституционного порядка (...) Конституционным судьям даны самые длительные сроки полномочий именно затем, чтобы нам не приходилось опасаться последствий наших решений, а также наших публичных действий, которые мы как граждане обязаны предпринимать (...) До сих пор университетские круги были необычайно сдержанны в формулировании оценок публичной жизни. Теперь они видят опасности, обращают на них внимание и думают при этом вовсе не о благе того или иного учреждения (...) Если профессора юридического факультета, а за ними сенат Варшавского университета и другие вузы решаются говорить о нарушении основных принципов уголовного процесса (...) о злоупотреблении заключением под стражу и т.д., то это действительно очень серьезное предупреждение. Это кое о чем говорит». («Жечпосполита», 1 апр.)
- «Министр юстиции Збигнев Зебро призвал председателя Конституционного суда Ежи Стемпеня к отставке. По мнению Зебро, суд политизирован, так как критикует действия министра юстиции». («Тыгодник повсехный», 1 апр.)
- «Первый закон о гражданской службе был принят в 1996 г. подавляющим большинством голосов при одном воздержавшемся. Это должно было стать великой победой государственной идеи над групповщиной. Чиновник должен был перестать бояться каждой новой власти, начинающей должностные перетасовки. Пройдя соответствующую процедуру, он получал гарантию неустрашимости (...) Победив на выборах, ПиС выбросил всё в мусорную корзину и попросту ликвидировал гражданскую службу в ее прежнем виде (...) Партия решила, что чиновников можно произвольно увольнять (...) Каждый чувствует себя временной фигурой, которую в любой момент могут отозвать, а значит, тем более ревностно выполняет все приказы (...) В настоящее время закон, практически ликвидирующий гражданскую службу, ждет решения Конституционного суда, но партия уже сделала свое дело». (Янина Парадовская, «Политика», 24 марта)
- «Еврокомиссия вновь напомнила, сколь серьезной проблемой остается для нее положение польского закона о региональном развитии, дающее воеводам [назначаемым правительством — Ред.] право блокировать проекты местного самоуправления, финансируемые из структурных фондов [ЕС]. „Совершенно очевидно, что мы не

сможем утвердить польские операционные программы без изменения этого закона”, — сказала комиссар Данута Хюбнер, отвечающая в Еврокомиссии за региональную политику». («Газета wyborcza», 3 апр.)

- «Еврокомиссия подала на Польшу в Европейский суд юстиции за строительство объездной дороги вокруг Августова через долину Роспуды». («Тыгодник повсехный», 1 апр.)
- «Отсутствие свободных мест в организованных байдарочных походах по Роспуде, забронированные на несколько ближайших месяцев гостиницы, пансионаты и частные квартиры и огромный спрос на продукцию молочного кооператива «Роспуда» — вот только некоторые эффекты скандала вокруг строительства Августовской объездной дороги». («Дзенник», 30 марта)
- «Согласно опросу ЦИОМа, 41% поляков считает, что сохранение природы важнее модернизации. 24% выбрали строительство дорог и развитие промышленности. ЦИОМ исследовал также отношение к строительству объездной дороги вокруг Августова через долину Роспуды. Только каждый пятый поляк хочет, чтобы автостраду строили по проекту, поддерживаемому правительством. 62% хотят, чтобы дорога шла в обход торфяных болот». («Газета wyborcza», 19 марта)
- «Сначала Мария Качинская поддержала экологов, защищающих Роспуду. Затем 8 марта она пригласила в президентский дворец либеральных и левых журналисток, после чего присоединилась к их призыву не вносить в Конституцию изменений, направленных против аборт. Тем самым она поставила в неловкое положение своего деверя, премьер-министра Ярослава Качинского (...) и привела в ярость отца Рыдзика, который назвал встречу в президентском дворце выгребной ямой». («Газета wyborcza», 12 марта)
- «Согласно опросу ЦИОМа, 70% поляков отрицательно оценивают деятельность правительства Ярослава Качинского. Поддерживают правительство 17% опрошенных. Самого премьера поддерживают 23% опрошенных, а критикуют 68%». («Жечпосполита», 20 марта)
- На вопрос института «Пентор»: «Понимаешь ли ты политику правительства?» — 61,4% опрошенных ответили «нет», а 27,7% — «да». На вопрос: «Понимаешь ли ты политику оппозиции?» — 55,9% ответили «нет», а 29,9% — «да». («Впрост», 18 марта)
- Согласно опросу ЦИОМа, если бы парламентские выборы прошли в начале апреля, ГП набрала бы 29% голосов, ПиС — 23%, «Левые и демократы» — 12%, аграрная партия ПСЛ — 5%. В Сейм не вошли бы Всепольская партия пенсионеров и «Самооборона», набрав по 4% голосов, а также «Лига польских семей» с 3%. Явка составила бы 55%. («Жечпосполита», 7-9 апр.)
- Согласно опросу ГфК «Полония», 51% поляков выступает за возвращение Александра Квасневского на польскую политическую сцену. Против этого высказываются 39%. («Жечпосполита», 28 марта)
- Тадеуш Сирийчик, бывший активист «Солидарности» и министр в правительствах Тадеуша Мазовецкого и Ежи Бузека: «Есть времена, когда люди выбирают лидеров, менеджеров перемен, и есть времена, когда они выбирают подобных себе. Лидеры ведут, намечают цели, поднимают планку, призывают к усилиям, иногда к героизму. В трудные минуты они необходимы, но спустя какое-то время они надоедают обществу, и оно выбирает представителей, которые не слишком отличаются от рядовых граждан, а героев свержает с пьедесталов. Сегодня наступило время нормальности. Политиками стали люди, представительные для общества, и с каждым выборами Сейм становится все более представительным». («Газета wyborcza», 1 апр.)
- «В раскрутке звезды участвует не только телевидение, но и женские журналы (...) Кого выбирают [в звезды]? (...) Людей „без особенностей” (...) Они должны удовлетворять определенным условиям, главное из которых таково, что каждый зритель, в том числе и из провинциального городка, должен отождествлять себя с этой звездой и не может чувствовать, что разница [между ним и звездой] угрожает ему и унижает его (...) В такого рода звезды не годятся люди образованные и сообразительные, ибо рядовой зритель не сможет себя с ними отождествить (...) Образцы, которые задают телевизионные звездочки, — это зеркальное отражение общества. Образцы идут теперь снизу». (Мартин Круль, «Дзенник», 29 марта)
- «В пятницу он победил при свете солнца, в субботу — под дождем, в воскресенье — при снегопаде. Малыш был в Планице прыгуном на любую погоду. Он завоевал четвертый „Хрустальный глобус” (...) Первую победу в соревнованиях Кубка мира Адам одержал 11 лет назад». («Жечпосполита», 26 марта)
- Подпись под фотографией хозяина с собакой на прогулке: «Ул. Мейснера в Гоцлаве [район Варшавы], 11.15. У семилетней немецкой овчарки Макса больной позвоночник. Макса должны были оперировать, но ветеринары

давали ему только 20% шансов на выживание. Пан Збышек не хотел потерять собаку и сделал ей тележку [под задние лапы]». («Газета выборча», 6 апр.)

3: СТИХИ ИЗ КНИГИ "ГОРЕЧЬ, СЛАДОСТЬ, ВРЕМЯ РАССКАЗАТЬ"

ВОСПОМИНАНИЕ: МОСКВА, 1975

Лунно, морозно,
снег едва прикрывает
распаханные поля где-то под Москвой.
Гнетущая беспредельность: ни дерева, ни куста.
Через сугробы он бредёт к Усадьбе,
обходя стороной деревни с липкими названиями:
Тиси, Девятлы, Брюхань.
Кабы захотел, провалился бы
куда-нибудь в овраг; бабушка говорила,
что перед самым последним сном
человеку является дом —
он так осязаем, что даже не похож
на настоящий.
Бабушка давным-давно ушла.
Она среди своих, под берёзками,
хотя и в мире уже нереальном.
Там кто-то родился,
точнее — как говорили, вылежался,
кто-то пробился сквозь снег
к рождественской облатке,
но ведь этот кто-то
уже не имеет ничего общего с ним,
кружащим по чужой, промёрзшей глыбе земли.
Он ведь знает, как закончится этот вечер:
возьмёт курс на железнодорожную насыпь,
найдёт полустанок,
купит билет у сомнамбулической девы,

успеет на поезд.

Потом накатанное русло:

метро — золотая колхозница, золотой сноп,

улочка с сотней тяжёлых автомобилей,

дёргающихся всю ночь;

от смрада выхлопных газов его тошнит,

тогда он — бегом,

бездыханный —

к железной двери

сверхчеловеческих размеров.

И так замкнётся круг.

В субботу пополудни съезжаются бездомные

грузовики. Если ударит мороз,

слепая улица

в ночь на понедельник дрожит до рассвета.

Над трясущейся улицей висят серые испарения выхлопа.

Трудно всё это вынести.

А казалось, уже ничто

не выведет его

из оцепенения:

ни великий Ленин, пугающий мраморной белизной,

ни непрерывное предъявление пропуска

множеству бдительных,

ни лекции о законах развития реального социализма

(na sowriemiennom etapie rozwitija...),

ни даже отчаянное пьянство.

В субботу за ужином шатаются стены;

всеобщее братание, которое не станет

братством, лживые исповеди без покаяния

в грехах,

без раскаяния,

а потом и этого нет,

остаётся лишь открытое окно,
выходящее в замкнутый двор,
можно выть и плакать сколько угодно —

такая вот жалкая и страшная опера
с участием международной труппы.

Многие используют шанс свободы.

Квадратная бетонная яма
давится пением, криками, обрывками музыки.

Плоть от плоти,
соль будущей номенклатуры,
кровь от крови,
водка от водки.

Можно сбежать в парк,
где конные и пешие, отлитые в бронзе, —
целая молодая гвардия: на плечи
ложится первый нежный снег,
просто — пух.

Среди коней и пехотинцев бродит Бормочущая
в скверном пальтишке, кроличья ушанка,
чуть выступающие скулы,
во рту сигарета,
крупные серебряные серьги видны из-под шапки,
заношенные ботинки,
голые кисти рук,
она подзывает его,
приглашает на скамейку,
тут же, в ворохе заиндевелых листьев
стынет szampanskoje.

Обними меня, не бойся сумасшедшей.

Я прихожу сюда, у него есть только я,
сломали его, исковеркали, он от себя отрёкся,
а тут стужа, кто ещё его согреет...

Убегай отсюда!

Прошу тебя, убегай.

Не дай себя охмурить.

Spasibo!

Где бы ты ни была.

ЗАМЕТКА О ГУРАЛЬСКИХ РАЗБОЙНИКАХ

Перехваленные, приукрашенные, во многом

выдуманные в зимние вечера в духоте

крестьянских изб, воспетые белыми

голосами на горных пастбищах,

освящённые приезжим народцем,

который так и захлёбывается

гуральщиной и «добрыми хлопцами».

Почти всё тут — байки и рассказы.

Это и есть — настоящее:

как нанесённый удар,

как быстрая поимка,

тюрьма и колесование,

как муки

и смерть.

СОН: САД-СЛИШКОМ-ПОЗДНО

Он бродит по лугам Велицкой,

и тут же — хоть солнце уже на закате — взбирается

по расселине Кветников Жлеб, от которой осталось

только название,

скальный котёл, каменистая пустошь,

куда идти, перехватывает дыхание,

где-то там, во мгле,

предательская Зводна Лавка,

ноги, что с ними?

Колени скованы

невидимой цепью,

упрямая, монотонная, ноющая

боль,

тьма, сгущённая

страхом, осклизлостью

пота,

он падает,

барахтается в кустах,

едва выползает — искусанный

ежевикой, крапивой, боярышником.

Грохот, удары молота,

стук топора.

Это так! Это так!

Он опирается спиной

о ствол: может быть, это яблоня,

которой больше нет на земле,

потому что Усадьба распалась?

Он уже знает — в этот миг выбивают двери

из кухни в сад.

Бежать отсюда — пока не заметили.

Они обновляют дом,

заплетают косы:

сливу с грушей, вишню с виноградом.

Делай ноги отсюда,

не трави душу горечью.

Вот сад — его не посадишь,

вот огород — его не огородишь.

Слишком поздно?

Всегда будет время

разжечь огонь

и развеять прах.

ЗАВИСИМОСТЬ

Только б не плоско, а если уж плоско —

то так, как этот прямоугольник,
явно — рапс, который желтеет
в далёкой низине, что видна
сверху.

Только бы в гору или уж круто
вниз,
по откосам, по вертикалям,
через выпуклости стогообразных
вершин,
через каменные увалы известковых
оползней,
через лощины гранитных
сбросов,
в конвульсиях рваных
гребней.

Если плоско, то только как подошва
горы: высокомерие, надменность, само-избранность,
зависимость от там и тут.

Войти — и сойти:
от взгляда в себя,
озирающего горы
после всего, что было,
после того, как всё сбылось, с натруженными ногами,
к ненасытному взгляду,
к отдыху в том месте,
где боковая гряда врастает
в купол вершины,
а внизу круглое озеро,
и на фоне его серна с телёнком,
солнце, тёмная туча,
жар июля и снежная крупка.

Ты складываешь ладони: свою и ту

— ловишь жемчужины,
а потом смачиваешь губы
их соком.

4: РАССКАЗ

Михал Ягелло в своей новой книге пытается сделать то, что сегодня, говорят, невозможно и даже запрещено, а именно: пытается представить нам Большое Повествование. При этом характерно, что он одновременно раскрывает перед нами пространство символического познания и территорию «реалистических» рекогносцировок. Несомненно и то, что мы имеем дело с автобиографическим рассказом, во всяком случае, многое здесь почерпнуто из биографии автора.

Рассказ — это не роман. Однако в данном случае эпическое измерение стихов отсылает к роману — богатому, с разветвленным сюжетом. Вдобавок — к тому типу романа, который называется «романом развития». Все усилия подчинены одной идее:

Остановить время,
построить своё, частное пространство,
где время течёт по кругу
мифа, обряда, ритуала,
самой личной религии.

В это пространство мы входим «через след ворот», как можно догадаться, уже не существующих, — и оказываемся во «сне об Усадьбе». Вот исходный пункт рассказа Ягелло — воспоминание о детстве, об эфемерном крае расплывшихся воспоминаний, тем более эфемерном, что время перемен ликвидировало Усадьбу. Опыт исчезновения, распада, неуловимости того, что воспринимается, как «реальное», направляет к дороге, которая «поведет в край счастья // из никуда в никуда».

Это, конечно, утопия — место, именуемое Нигде (ou topos), столь же реальное, сколь нереальное, конкретное и вымышленное, место, куда стремятся, чтоб из него сбежать, как в известном стихотворении Шимборской. Прошлое и будущее столь же реальны, сколь неуловимы. И то и другое — утопия, будь то извлеченная из глубин памяти или явленная в мечтах о том, что должно наступить. Время существования, распятое между рождением и смертью, — мгновение, заполненное, как в поэме «Молоко и хлеб, страх и память», материей недоговорок и умолчаний. Годы спустя порядок прошлого нарушен обретенным знанием о неизвестном, но реальном опыте. И никогда не ясно, «что бы мы сделали, если бы она сказала нам // тогда». А ведь было о чем говорить — о том, что когда-то, когда бабушка отказалась спрятать гонимых евреев, быть может, ее решение спасло остальную семью, которая ничего о том поступке не знала. Те, кто благодаря этому остался в живых, только за счет запоздалого понимания познают и цену собственного бытия, и его боль.

Эту книгу надо читать именно как рассказ — в последовательности, предлагаемой автором. Потому что, хотя отдельные стихотворения самодостаточны, композиция подчиняет все тексты последовательности событий, вписывает личное повествование в ход истории. Эти стихи — своего рода манифест, протест против позиции, оправдывающей пассивность по отношению к злу, окружающему и парализующему человека. Они разоблачают «миллионы тех, кто не хочет / помнить / о том, о чём — по их мнению — не следует / напоминать, тех, кто (...) мямлил, что везде бьют, / везде лгут, / что везде личность / так немного значит, / что надо устроиться внутри того, что есть». Герой этих стихов не выдает себя за несгибаемого борца, напротив — он старается чувствовать так же, как миллионы людей, лишенных своей воли, согласных жить «внутри того, что есть». Только герой ставит вопросы, важнейшие из которых — вопросы нравственные. В обыденности эти вопросы не возникают, но ведь они относятся не только к совершаемому выбору, а и к познанию. Что у нас есть? Есть то, что мы хотим замечать. А незамечаемые реалии, словно рефлексивно вытолкнутые за предел поля зрения, годы спустя выныривают на поверхность, требуют своего, вынуждают к трудным, постыдным и горьким исповедям. И неизвестно, как на самом деле следует поступить, как примирить желание спокойно существовать с защитой ценностей:

Быть здесь и в то же время там,
в зное скалистой пустоши
и в тени шелковичного сада,
на стороне тех, кто держит власть,
но с уважением к бунтовщикам.

В этих стихах поражает тон — лишенный пафоса, конкретный, суховатый, спокойный. Однако существенны вопросы, которые дополняют высказывание и переносят его в философский контекст; вопросы о смысле существования — уже не личности, а вселенной:

Но что делать скитальцу,
который подозревает, что он — лишь игра эволюции,
а Земля плывёт из никуда в никуда?

Опять эта тревожная формула — «из никуда в никуда», своеобразное memento поэзии Ягелло. И та же поэзия договаривает: скиталец не один, он живет среди других и для других. Именно этот другой, подчас неведомый, чужой, придает смысл его собственной жизни. Таков пафос стихотворений, говорящих о странствиях и восхождениях на вершины, о том, как ценно, что ты открываешь другим бездонные пейзажи — и внешние, и духовные, как в финале «Мозаики для внука»: «Возможно, мир имеет смысл, / по крайней мере в массиве Червонный Верх». Однако — узнаём мы из завершающей поэмы, которая дала название всей книге: горы — это «материализованная эрозия».

Мы имеем дело с повествованием, претворяющим обычное в необычайное, с рассказом о чуде существования — единственного, неповторимого, и, если в нём все же есть смысл, облеченного ответственностью за каждый миг бытия. Обыденность здесь не обыденна, известное оказывается неизвестным, а может, даже — непознаваемым. Но хотя всё непознаваемо — а быть может, не хотя, а потому, — непознанное вновь и вновь предстает как вызов.

Михал Ягелло. Горечь, сладость, время рассказать. Торунь, А.Маршалэк, 2007.